

Произнеся это, Лу Хай сразу же пожалел, мысленно ругая себя за то, что, увлекшись, забыл, какой Шао Синтан человек. Только он начал сожалеть, как, к его удивлению, Шао Синтан кивнул и сказал:

— Хорошо!

Перед вечерним выходом Шао Синтан снова попросил Гудана рассказать о людях вокруг него и взял мальчика с собой.

Театр находился в двух улицах от них, это было двухэтажное здание. Справа был популярный ресторан, слева — чайная лавка. Чёрная деревянная вывеска с позолоченными иероглифами высоко висела на перекладине между первым и вторым этажами, на ней было написано «Театр „Красные чернила“», что выглядело довольно внушительно.

Шао Синтан оценил мастерство певицы по имени Юэгуй, оно было неплохим, только сцена была низкой, не говоря уже о современном освещении, а зрители внизу ели, пили, разговаривали и шумели, что несколько ухудшало впечатление.

Посмотрев, Шао Синтан очень разочаровался и ещё сильнее захотел поскорее выкупить себя. В этот момент он вдруг услышал, как сидевший рядом Лу Хай с восхищением произнёс:

— За один вечер Юэгуй, должно быть, зарабатывает не меньше двадцати — тридцати серебряных юаней.

— Разве она не продалась «Красным чернилам»?

Шао Синтан небрежно спросил, наблюдая, как пришедший с ним Гудан, словно маленькая мышка, хватал с тарелки угощения и отправлял их в рот.

Лу Хай странно посмотрел на него, подумав, что этот господин не только выглядит отрешённым от мира, но и не интересуется мирскими делами. Он сказал:

— Конечно, нет, она независимая актриса. Но даже если бы она была продана, нанять такую актрису стоило бы не меньше половины серебряного юаня!

Шао Синтан, наливавший Гудану чай, замер и невольно выпалил:

— Даже если она продана, ей платят?

Тут же, заметив недоумённый взгляд Лу Хая, он спохватился и сменил тон:

— Я имел в виду, что платят слишком мало, это ничего не стоит!

— Это правда, — согласился Лу Хай.

После этого они снова молча наблюдали за спектаклем, но в душе Шао Синтан был взволнован. Неожиданно оказалось, что даже продавшись, можно зарабатывать на пении. В последние дни он размышлял, как заработать денег, но безрезультатно. В прошлой жизни он только и делал, что пел, а все остальные заботы за него решал тот мужчина, где уж ему было думать о деньгах. Теперь же его единственный навык мог приносить доход, и это очень его воодушевило.

Возвращаясь вечером, он как раз встретил хозяина труппы Шэнь Цайтяня. Тот сначала принялся жаловаться, что в последнее время дела идут всё хуже, а затем намёками спросил, сможет ли он выступить завтра вечером. Шао Синтан сразу же согласился, чем изрядно

облегчил душу Шэнь Цайтяню.

Слава в прошлой жизни пришла не просто так. Шао Синтан знал наизусть все пьесы от древности до современности, сколько раз их ни повторяй, а самым любимым его жанром была южная опера. Подумав о том, что пела сегодня Юэгуй, он счёл это пустяком.

Вечером, перед сном, Гудан устроился у его кровати и настаивал на том, чтобы разуть его и помыть ему ноги, но Шао Синтан решительно отказался. Надо сказать, Гудан и вправду был хорошим ребёнком, послушным и умным, каждый день, словно маленький волчок, крутился вокруг него, очень сообразительный. Судьба Гудана тоже была печальной: он рано потерял родителей и до продажи в труппу жил у дяди, а тётя была сварливой женщиной, детей у них было много, вот в прошлом году его и продали сюда, сказав, что хоть ремеслу научится, в будущем сам о себе заботиться сможет. После того как Гудан признал его названным отцом, хотя прежний Шао Синтан плохо к нему относился, мальчик понимал, что это его единственная надежда, и решил быть почтительным к названому отцу, содержать его в старости.

Шао Синтан, узнав это, почувствовал горечь и жалость к нему. Понимая, что этот ребёнок теперь его ответственность, он тоже задумался о том, как обеспечить ему хорошее будущее. Но в нынешнее время пение явно не было перспективным занятием, Шао Синтан хотел отправить его учиться, но это был долгосрочный план, он только что пришёл, пока не мог этого сделать, но уже начал обдумывать.

Ворочаясь всю ночь, он наконец придумал для ребёнка имя, всё-таки постоянно звать «Гудан» было неудобно.

Продремав до рассвета, Шао Синтан наконец заснул...

Время летело быстро, Шао Синтан после ночи размышлений снова обрёл веру в жизнь. Хотя он не знал точной суммы для выкупа и не мог спросить, она наверняка была немаленькой. В прошлой жизни он пел ради искусства, а теперь ради неизвестного количества серебряных юаней, и Шао Синтан, покачивая головой, сам дважды повторил текст пьесы.

Сегодняшний спектакль назывался «Записки о павильоне поклонения луне», и сюжет снова был о любви. На самом деле Шао Синтан не очень любил такие пьесы, считал их слишком сентиментальными, мелочными. Он больше предпочитал темы, воспевающие войну, героев, нацию, ожесточённые битвы. Говорят, в прошлом тот мужчина случайно услышал его в пьесе «Битва у Красной скалы» и тогда обратил на него внимание, а потом произошла череда событий.

Гудан получил новое имя — Не Цзяньань.

Говорили, оно означало пожелание здоровья и мира на всю жизнь. Он спросил, почему фамилия Не, а не Шао, и узнал, что названный отец изначально был из семьи Не.

Весь день ребёнок был счастлив, повсюду жестами показывая, как пишется имя, которому научил его названный отец, и каждому говорил:

— Мой названный отец дал мне имя, Не Цзяньань, можете звать меня Цзяньань.

Вечером Не Цзяньань, обмакнув худенький палец в чай, лёг на стол и выводил своё любимое имя. Тётушка, накладывавшая грим Шао Синтану, закончила и вышла. Шао Синтан как раз разглядывал на своём лице простой и грубый грим, когда из-за занавески донёлся тонкий

женский голос:

— Разве этот мерзавец по фамилии Шао не покончил с собой? Как он вернулся?

— Тсс, тише, — послышался голос куда приятнее прежнего, в мягком женском тембре словно звучала ядовитая усмешка. — Всего лишь спектакль, как он мог умереть? Теперь он замечен командующим Юем, богатство и почёт у него перед глазами, это всего лишь игра в кошки-мышки!

— Богатство и почёт нужно пережить, говорят, командующий Юй — нелёгкий человек, обычные люди при виде него дрожат, наложниц у него уже несколько погубило, если в тот день этот мерзавец не угодит ему, так он его пристрелит!

Непристойные речи сопровождалась развязным смехом. Шао Синтан, стоя за занавеской, слушал, и лицо его почернело от злости.

Но кто-то среагировал быстрее него. Не Цзяньань, лежавший на столе, словно маленькая чёрная пантера, подскочил и бросился к занавеске.

Шао Синтан, быстрый как молния, схватил за занавеской ребёнка с яростным лицом, и тут же услышал, как тот, тяжело дыша, громко кричит:

— Вы врете!

Парящий в воздухе смех резко оборвался. Две женщины, прислонившиеся к красному деревянному шкафу у стены, широко раскрыли глаза, глядя на неожиданно появившихся двоих. Называть их женщинами — глядя на их нежные щёки, им было всего лет семнадцать — восемнадцать.

Тёмные зрачки Шао Синтана, словно несущие холод, ледяным взглядом скользнули по этим двум пойманным на сплетнях девушкам. Но ребёнок в его руках не унимался, лицо его покраснело, и он снова крикнул:

— Названный отец хороший, не смейте так говорить!

Сжимая маленький кулачок ребёнка, Шао Синтан в душе был очень тронут. Он протянул руку, обнял его и чмокнул в лоб:

— Цзяньань, какой ты молодец!

Две девушки были ошеломлены, не в силах пошевелиться. Как раз в этот момент подбежал юноша-слуга, ещё не разобравшийся в ситуации, и почтительно сказал:

— Господин Шао, скоро ваш выход.

Юноша повёл вперед, Шао Синтан, держа на руках ребёнка, проходя мимо них, тихо произнёс:

— Если увижу командующего Юя, обязательно передам ему ваши слова.

Оставив двух девушек с мгновенно побелевшими лицами...

Не говоря уже о том, что Шао Синтан как раз думал, как избежать того командующего Юя, даже если бы и встретил, конечно, не стал бы передавать ему только что услышанное. Сказал так лишь для того, чтобы проучить их, ведь в таком юном возрасте они уже умели говорить

такие злые слова за спиной! Только страх мог заставить их запомнить урок.

Шао Синтан никогда не выступал на такой простой и маленькой сцене, она была словно квадратный платок, негде развернуться, одним взглядом можно было охватить все края. Ступая по ней, можно было услышать, как деревянные доски скрипят.

Но сегодня народу пришло явно больше, чем вчера на спектакль Юэгуй, внизу сидели плотную, даже в проходах по краям стояли люди.

Шао Синтан не волновался, но всё же глубоко вдохнул. Выйдя из-за кулис, он всем сердцем погрузился в пьесу.

...

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16353/1478026>